

В. В. Власова

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОМИ ПРАВОСЛАВНОГО ДВИЖЕНИЯ БУРСЬЫЛЫСЬЯС¹

В число значимых маркеров конфессиональных групп входят особенности вероучения, религиозные практики и нормы поведения, набор и интерпретации которых могут отличаться в зависимости от того, используются они для самопрезентации или идентификации. Осмысление собственной веры как истинной, спасительной находит отражение в религиозной терминологии, зачастую становится определяющим фактором появления конфессионимов. В статье анализируются семантические и прагматические компоненты самоназваний и ключевых религиозных терминов коми православного движения *бурсьылысьяс* (досл. 'добра/блага певцы'), бытовавшие в начале XX в. Исследование основано на архивных и опубликованных материалах первой половины XX в. Движение *бурсьылысьяс* возникло в начале XX в. в коми селах на верхней Вычегде. Главным элементом религиозных практик были беседы, в ходе которых исполнялись религиозные песнопения на коми языке, проходившие под руководством местного крестьянина Стефана Ермолина, а после его смерти под руководством других мирян. Религиозная терминология коми православного движения *бурсьылысьяс* представляет собой пример самоидентификации через указание на коллективные обрядовые действия. Самоназвания и названия религиозных практик *бурсьылысьяс* отражали религиозно-этические представления о «благе, добре» (*бур*), подчеркивали особый статус последователей Стефана, их высокую оценку собственного учения. Номинации лидера и его последователей – *бурвисьталысь* 'добро говорящий'/*буркывзысьяс* 'добро слушающие' – не только отражали конкретные признаки и обрядовые действия, но и имели дополнительные символические значения, обозначая статусы религиозного лидера и его последователей. В середине 1920-х гг. происходит изменение самоназвания группы, демонстрирующее не только значимость личности С. Ермолина для религиозного сообщества, но и переосмысление последователями собственной роли после смерти религиозного лидера.

Ключевые слова: *бурсьылысьяс, религиозная терминология, религиозные практики, конфессионимы, коми*

Особенности вероучения, религиозные практики и нормы поведения входят в число значимых культурных маркеров конфессиональных сообществ, их набор и интерпретации могут существенно отличаться в зависимости от того, используются они для идентификации с точки зрения членов группы (самоидентификации) или для идентификации их другими. С. Е. Никитина отмечает, что конфессиональная модель мира аксиологична, имеет в основе религиозно-этическую оппозицию «добро – зло», которая реализуется в том числе и в оппозиции «своя вера – чужая вера». Своя вера осмысливается как истинная, спасительная, чужая – как ложная, ведущая к духовной гибели, что находит отражение в религиозной терминологии конфессиональных сообществ (Никитина, 2013: 33–34). Такое осмысление может стать определяющим фактором появления конфессионимов, которые содержат оценочные и эмоциональные коннотации. В то же время (само)названия групп могут быть связаны с конкретным человеком или местом (Никитина, 2013: 56; Подюков, 2022: 323–324), с фольклорными представлениями о группе за ее пределами, осмыслением религиозных практик (Львов, 2015: 110–114; Исхаков, 2021: 52; Черных, 2018).

В начале XX в. на верхней Вычегде (Мыёлдинский и Усть-Немский приходы Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, в настоящее время сельские поселения Мыёлдино и Усть-Нем Усть-Куломского района Республики Коми) возникло коми православное движение *бурсьылысьяс* (досл. певцы добра). Главным элементом религиозных практик *бурсьылысьяс* были беседы на коми языке, проходившие под руководством местного крестьянина Стефана Артемьевича Ермолина. На беседах Стефан читал, толковал и переводил на коми язык

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер 121042600207-7.

религиозные тексты; присутствующие исполняли молитвы и песнопения на коми и русском языках. Особое значение *бурсьылысьяс* придавали визионерским практикам, с середины 1920-х гг. в их среде получили распространение экстатические практики.

С. Ермолин начал проводить беседы в с. Мыёлдино с конца 1890-х гг., в 1904 г. они проходили уже и в соседнем Усть-Немском приходе, в 1912 г. к двум указанным ранее приходом добавились Пожегодский, Донской и Большелугский. В это время 50 «домов²» в Мыёлдинском и около 100 в Усть-Немском приходах следовали учению Стефана, число его последователей в других приходах было значительно ниже. Помимо Стефана, беседы проводили и другие крестьяне, знавшие грамоту и «прошедшие обучение» у С. Ермолина (Вологжанин, 1912: 14, 16). В середине 1920-х гг. число *бурсьылысьяс* значительно возросло, перевалив за тысячу человек. Они проживали в восьми верхневычегдских волостях: Мыёлдинской, Усть-Немской, Пожегодской, Донской, Большелугской, Керчомской, Подъельской, Деревянской. Села Мыёлдино и Усть-Нем оставались своеобразными религиозными центрами этого движения. В 1930-х гг., после репрессий лидеров, численность *бурсьылысьяс* значительно сократилась; в начале 1970-х гг. небольшие группы верующих существовали в селах и поселках Усть-Куломского района, постепенно растворяясь среди православных (Гагарин, 1976: 70–73).

В научный оборот сведения о *бурсьылысьяс*, как и сам термин, были впервые введены Ю. В. Гагариным, рассматривавшим это движение как форму протеста против «господствующей церкви». Ученый обратил внимание на значимость этнического фактора в формировании движения, роль мистицизма в его религиозных практиках, охарактеризовал его современное состояние (Гагарин, 1971; 1976). Этнографы и фольклористы анализировали влияние этого движения на религиозную жизнь локальных сообществ верхней Вычегды в советский и постсоветский периоды (Chuvyurov, Smirnova, 2003; Koosa, Leete, 2011), в том числе и на формирование локальной рукописной традиции (Чувьюров, 2004). П. Ф. Лимеров, опираясь на рукописные памятники *бурсьылысьяс* второй половины XX в., предпринял попытку реконструировать и охарактеризовать основы их учения (Лимеров, 2020; Лимеров, 2022). Особое внимание исследователи уделяли мистическим практикам, описания которых были сделаны представителями духовенства, а позднее – местными советскими управленцами и активистами (Чувьюров, 2001; Лимеров, 2020).

Несмотря на наличие значительного числа публикаций, религиозная терминология *бурсьылысьяс* остается малоизученной: исследователи либо ограничиваются дословным переводом известных терминов на русский язык, либо трактуют их значения, не учитывая существовавшие религиозный, социальный и коммуникативный контексты. В данной статье анализируются семантические и прагматические компоненты самоназваний и ключевых религиозных терминов религиозного движения, бытовавших в начале XX в.

Основой нашего исследования стали архивные и опубликованные материалы первой половины XX в. Первая группа – это материалы досоветского периода. Небольшая книга Вологжанина «Новый „братец“ Стефан Вологодский» (Вологжанин, 1912), опубликованная в 1912 г. В настоящее время имя автора брошюры, использовавшего псевдоним Вологжанин, неизвестно. Из текста можно понять, что он являлся представителем епархиальных властей, имел духовный сан, коми языка не знал, с местными крестьянами общался через переводчиков, в качестве которых выступали священники Усть-Немского и Пожегодского приходов (Вологжанин, 1912: 8, 15). Вологжанин посетил одну из бесед, получил информацию о них от приходских священников, местных чиновников и крестьян, встречался лично с С. Ермолиным. Он описал молитвенные собрания, охарактеризовал особенности учения С. Ермолина, зафиксировал устные рассказы о Стефане. Материалы архивного дела Государственного архива Вологодской области, представляющие собой рапорты и отчеты священников, благочинных и полицейских

² Скорее всего, речь идет о домохозяйствах, которые являлись основной единицей учета в дореволюционной России.

за 1904 г., содержат сведения о первых лидерах бурсьылысьяс, фрагменты принадлежавших им рукописей на русском и коми языках, информацию о молитвенных собраниях. Вторую группу составляют архивные данные советского периода: информационные отчеты местных партийных органов, отчеты ОГПУ 1920–1930-х гг., хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми, в которых содержатся упоминания о бурсьылысьяс и их религиозных практиках.

Первые термины на коми языке, связанные с бурсьылысьяс, были зафиксированы в 1912 г. представителем епархии: самоназвание последователей С. Ермолина – буркывзысьяс (бур ‘добро/благо’ + кывзысьяс ‘слушающие’), название молитвенных собраний (бесед), в которых участвовали крестьяне, – буркывзём (бур ‘добра/блага’ + кывзём ‘слушание’) и самого Стефана, которого верующие называли бурвисьталысь (бур ‘добро/благо’ + висьталысь ‘говорящий’)³ (Вологжанин, 1912: 12, 14). П. Ф. Лимеров предположил, что эти слова были введены С. Ермолиным и связаны со словом Бурвисьталём – ‘Евангелие’ (Лимеров, 2020: 59). Действительно, Бурвисьталём в значении ‘Евангелие’ встречается в словарях П. Савваитова (1850) и Г. С. Лыткина (1931), однако в изданных коми переводах Евангелия XIX в. использовались либо русское слово «Евангелие» (перевод А. В. Шергина 1823 г.), либо коми – Бур юёр (перевод Г. С. Лыткина 1885 г.). Судя по всему, слово бурвисьталём в значении ‘Евангелие’ не имело широкого хождения среди верхневьчегодских крестьян. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент перевода религиозного текста на коми язык, принадлежащий С. Ермолину: «некысь сэтшйём кокныёд ясный туй и аддзыны и кыдзи зыралан зеркала Св. Еванклие» ‘неоткуда увидеть такой легкий, ясный путь, как сияющее зеркало, (кроме как в) Св. Евангелии’ (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 14).

Все рассматриваемые в работе термины содержат корень бур. В словарях П. И. Савваитова и Г. С. Лыткина слово бур переводится как ‘благо, благой, добро, добрый’, ‘благо, добро, благоволение, польза, выгода’ (Лыткин, 1889: 45; Савваитов, 1850: 11), а также как «хороший, благий, добрый, милостивый, здоровый, кроткий, совершенный, полезный» (Савваитов, 1850: 11). Часть слов с корнем бур, зафиксированная в этих словарях, возникла путем калькирования церковнославянских образцов с корнями ‘благо’, ‘добро’. Например, бурвисьталём, бур юёр (бур ‘добро/благо’ + висьталём ‘сообщение, известие’, юёр ‘весть, известие’) – благая весть, Евангелие, буркерём (бур ‘добро’ + керны ‘делать, сделать’) – благодеяние и др. (Лыткин, 1931: 5, 51; Савваитов, 1850: 13). Значение слова «добро» в религиозном контексте для коми, как и для русских, сформировалось под влиянием православного вероучения, было связано с набожностью и благочестием человека. Добро было связано с Богом, со стремлением человека следовать в своей жизни соответствующим принципам, нормам и образцам поведения (Вендина, 2004: 431–432). Приведем в качестве примера употребление слова бур в проповеди священника А. А. Куратова: Сійö вевд Ачис эм Ыдждыд и Зел-ыдждыд Бур ‘Он (Бог. – В.В.) Сам есть Добро и Высочайшее Добро’, вöчис мянöс буркерёмвöсни ‘создал нас на дела благие’, бу-ра оло ‘живите добродетельно’ (Власова, 2016: 175–176).

Первые трактовки религиозной терминологии бурсьылысьяс были даны в книге Вологжанина. Он перевел бурвисьталысь как ‘учитель добра’, вероятно, такая трактовка термина была предложена ему местными священниками. В словаре П. Савваитова зафиксированы слова бурвисьтаваны – ‘благовествовать’, бурвисьталысь/бурсьөрнитысь – ‘благовестник’, ‘евангелист’ (Савваитов, 1850: 12, 13). В православной традиции благовестниками называют не только апостолов, авторов четырех канонических Евангелий, но и религиозных деятелей, «служивших делу евангельской проповеди» (Никифор, 1891: 203). «Грамматика зырянского языка» и словарь, составленные П. И. Савваитовым, использовались в качестве учебного пособия в Вологодской духовной семинарии, где готовили священнослужителей для зырянских

³ В брошюре Вологжанина эти сложные слова написаны отдельно (бур кывзысь, бур кывзём, бур висьталысь), в данной статье эти сложные слова пишутся слитно.

приходов губернии (Терюков, 2008: 232). Священнослужителям и прихожанам Мыёльдинского и Усть-Немского приходов слова *бурвисьтавны* и *бурвисьталысь* могли быть известны.

С. Ермолин неоднократно обвинялся священнослужителями в самовольном «учительстве», что было главной претензией к его действиям со стороны духовенства. «Стефан Ермолин взял на себя не данное ему учительское звание и пользуется им среди народа почти наравне со священниками» (Вологжанин, 1912: 18). Упоминается, что крестьяне относились к нему как к «великому учителю», считали, что он «учит так же, как и в церкви учат», «учит не художу». Сам Стефан на уговоры священников прекратить беседы ответил: «Вот поучу еще с месяц и отстану» (Вологжанин, 1912: 8, 10–12). Можно утверждать, что сам С. Ермолин и его последователи, так же как и представители духовенства, использовали слово «учитель» в значении ‘проповедник’. В таком значении оно обычно использовалось в текстах о значимости проповеди, публиковавшихся на страницах епархиальных изданий. Например, «„учительство“ или проповедь Христовой истины составляет главнейшую обязанность пастырского служения» (Пастырь, 1909: 403). В свою очередь Е. Е. Паршуков, «ученик и ставленник» С. Ермолина, обосновывая право проводить беседы, заявил, что и «апостолы были неграмотные рыбаки, однако проповедовали, этим апостольским духом и он облечен» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 6).

В то же время одно из значений слова *висьталысь*⁴ – ‘толкователь’ (Савваитов, 1850: 32), весьма точно отражает роль С. Ермолина в локальном религиозном сообществе как чтеца и переводчика религиозных текстов. Известно, что священник С. П. Сумароков, служивший в Мыёльдинском приходе в 1890–1895 гг., обращался к Стефану «как к переводчику на зырянский язык и поручал ему читать для народа разные поучения» (Вологжанин, 1912: 11). На беседах С. Ермолин объяснял и переводил религиозные тексты, а верующие исполняли переведенные им религиозные песнопения. Священник Усть-Немской церкви А. Сапожников писал, что С. Ермолин «примешивает к религиозным истинам на беседах свои нелепые мысли переводом на зырянский язык» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 59об.).

Следует отметить, что термин *бурвисьталысь* местные крестьяне использовали только в отношении Стефана Ермолина, других крестьян, «учительствовавших» в это же время в разных деревнях Усть-Куломской волости, так не называли (Вологжанин, 1912: 12, 8–9). Очевидно, номинации *бурвисьталысь/буркывзысьяс* в локальной религиозной традиции были тесно взаимосвязаны. С одной стороны, они имели прямое значение, отражая конкретные признаки и действия (‘добро говорящий’/‘добро слушающие’): на беседах С. Ермолин читал и переводил религиозные тексты, а присутствующие его слушали. С другой, обозначали статусы религиозного лидера и его последователей, отражая существовавшую в данном сообществе иерархию, а также особенности религиозных практик.

Беседы на религиозные темы, проходившие в крестьянских домах, сопровождавшиеся молитвами и песнопениями, а также совместным принятием пищи, назывались *буркывзём*, в переводе Вологжанина ‘духовная беседа’ (Вологжанин, 1912: 14). П. Ф. Лимеров предполагает, что С. Ермолин был знаком с учением мистических сект, рассматривая *буркывзём* как аналоги «радений» в русском мистическом сектантстве (Лимеров, 2020: 58–59). На наш взгляд, данное сравнение некорректно. Неизвестно, выезжал ли Стефан за пределы Усть-Сысольского уезда и была ли ему известна какая-либо информация о русском мистическом сектантстве. В то же время есть гораздо более близкая аналогия – внебогослужебные собеседования или беседы, проводившиеся приходскими священниками. В 1890 г. был издан указ Синода об обязательности проведения внебогослужебных собеседований приходским духовенством. Беседы, в ходе которых священник объяснял евангельские сюжеты, обращался к вопросам религиозно-

⁴ Глагол *висьтавны* – ‘говорить, рассказать, высказать, заявить, сообщить, указать, толковать, произнести, свидетельствовать’ (Коми, 2012: 101).

нравственного содержания, проводились после богослужений в храме, а также за его пределами (в частных домах, церковно-приходских школах), стали обычной практикой в зырянских приходах Вологодской епархии (Власова, 2017: 187, 189). В 1904 г., согласно докладом священников, в Мыёлдинском и Усть-Немском приходах было проведено более 100 собеседований. Усть-Немский священник А. Сапожников сообщал, что в ходе бесед прозвучали «объяснения Евангельских чтений <...> применительно религиозно-нравственной жизни прихожан, символа веры, десяти заповедей <...> о войне с Японией, праздниках и пороках, разгульном поведении молодых». Священник Мыёлдинской церкви Ф. Клепиков вел беседы о жизни святых (Св. вмц. Екатерины, Николая Чудотворца, прп. Марии Египетской и др.), о праздниках, о вреде и пагубности пьянства, об отношении к земному богатству, о смерти и приготовлениях к ней и др. В ходе бесед крестьяне пели молитвы: в начале – «Царю Небесный», в середине – «Спаси, Господи», «Богородице Дево радуйся», тропари святым, в конце – «Достоинно есть» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 59, 54–55).

Духовенство, крестьяне, принимавшие участие в молитвенных собраниях, устраиваемых С. Ермолиным, и он сам воспринимали их как внебогослужebные собеседования, подобные тем, которые проводили местные священники. Об этом же свидетельствует ответ Стефана Ф. Клепикову, обвинившего его в том, что он проводит свои собрания незаконно и не посещает бесед, которые устраивал священник. «Хорошо, что в школе устраивали беседу, но и эта беседа не лишняя, а воспрепятствовать мне делать беседы никто не может, так как я учу народ на добро, кроме того прежние священники не говорили мне, что нельзя много делать бесед» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 55об). В конце XIX – начале XX в. чтение вслух религиозной литературы и ее обсуждение было обычной практикой среди крестьян (Мельникова, 2011: 136). Выдающийся богослов и проповедник Феофан Затворник, толкуя слова апостола Павла «научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями», писал: «Всякий сам себя учи и вразумляй словом Христовым, или учите и вразумляйте себя взаимно... Это взаимнообучение в христианском обществе идет само собою: пастыри учат паству, старшие – младших, родители – детей, учителя – учеников, власти – подвластных. Намеренно же с этою целью учреждаются братские собеседования с чтением» (Феофан, 1880: 190). Схожая трактовка содержится и в «Толковой Библии» А. П. Лопухина: «Апостол... говорит о внебогослужebных собраниях верующих, когда христиане могли назидать друг друга» (Толковая, 1913: 319). Эти слова апостола Павла приобрели особое значение для *бурсьылысьяс*, придавая легитимность беседам, проводившимся С. Ермолиным. Неслучайно в архивных рукописных текстах содержится их упрощенный и сокращенный перевод, сделанный, вероятно, С. Ермолиным. *Апостол Павел искуснейшей Зеленой учитель шувэ, вразумляйтэй мэд да мэд... ен лы прославляйтэй духовнэй сылэмэсе* 'Апостол Павел искуснейший вселенский учитель говорит: вразумляйте друг друга, Бога прославляйте духовными песнями' (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 12об).

Следует отметить, что на беседы (*буркывзём*) приходили многие жители сел Мыёлдино, Усть-Нем и Пожег, однако далеко не все становились их постоянными участниками. Участие в организации бесед и их посещение рассматривалось С. Ермолиным и его последователями как важное деяние на пути достижения благочестивой жизни. Слова *кывзём* и *кывзысь* могли употребляться не только в значении 'слушание' и 'слушатель', но и в значении 'послушание' и 'послушник' (Лыткин, 1931: 211), отражая отношение верующих к своему духовному лидеру, их готовность следовать его поучениям и наставлениям, о чем они напрямую заявляли приходскому духовенству. Например, крестьянин Ф. М. Мальцев, разъясняя свое отношение к беседам, говорил: «Я раньше не ходил в церковь, не бывал на исповеди и у св. причастия. Происходил из раскольнического поколения, двуперстно полагал на себя крестное знамение, а теперь под влиянием бесед Ермолина это оставил <...> был у исповеди и Св. причастия, стараюсь чаще бывать в церкви, бросил пить водку <...> только теперь я узнаю, как нужно жить

по-христиански, чтобы получить вечное спасение. Почему не запрещают разные собрания молодежи, а наше это религиозное собрание запрещают... мы стараемся праздничное время провести по-христиански, в душевспасительных беседах» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56). Местные представители причта отмечали, что С. Ермолин и его ближайшие сподвижники – «самые ревностные исполнители в приходе уставов и обрядов православной церкви, первыми являются на службы, к духовенству относятся с должным почтением, долг исповеди и св. причастия исполняют неуклонно и по несколько раз в год» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56об.). В брошюре Вологжанина также отмечается, что крестьяне, посещающие беседы, оставляют «худую, грешную» жизнь, отказываются от алкоголя, табака, праздничных гуляний, соблюдают посты, исповедуются четыре раза в год, уделяют большое внимание домашней молитве. В то же время он с негодованием пишет, что «к тем, кто не следует за Стефаном, относятся с гордостью и осуждением, называя их даже некрещеными» (Вологжанин, 1912: 6, 9, 11, 15).

В 1920-х гг. религиозная терминология движения изменяется, что фиксируют документы советского периода. Слово *бурсьылысьяс* (*бур* ‘добро/благо’ + *сьылысьяс* ‘певцы, поющие’, в документах переводится как ‘певцы добра’), принятое в научной среде для обозначения данного религиозного движения, появляется в архивных делах начиная с 1925 г. При этом наряду с ним используется экзоконфессионализм «степановцы/стефановцы», который появился уже в начале 1910-х гг. (Вологжанин, 1912: 18; НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 29). Отметим, что в архивных делах 1920–1930-х гг. представители властей называют *бурсьылысьяс* сектантами, выделяя их из числа православных верующих (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 29, 53).

В самоназвании сохранился корень *бур* ‘добро/благо’, что, с одной стороны, демонстрирует связь с прежним конфессионализмом, с другой – стремлением группы следовать установленным принципам, нормам и образцам поведения. При этом второй компонент слова был заменен. Можно предположить, что изменение самоназвания религиозной группы произошло спустя какое-то время после смерти С. Ермолина⁵. Это может свидетельствовать как о том, что среди «учительствовавших» крестьян не нашлось достаточно авторитетного и знающего человека, способного стать *бурвьисьталысь*, так и о том, что «ученики» Стефана не считали возможным претендовать на это место. В делах этого периода указываются фамилии разных крестьян, как мужчин, так и женщин, которые проводили молитвенные собрания и вели активную проповедническую деятельность. В отсутствие явного лидера последователям С. Ермолина пришлось переосмыслить собственную роль: из «слушающих» они стали «поющими/воспевающими добро». Беседы и исполнение религиозных песнопений стали называть *бурсьылём* (*бур* ‘добра/блага’ + *сьылём* ‘пение’, в деле – *бурсылем*) (НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Л. 1об.). Главным элементом богослужений оставалось исполнение на коми языке религиозных текстов и песнопений. Представители партийных организаций в своих отчетах указывали, что «взгляды сектантов (*бурсьылысьяс*. – В. В.) одно и то же, что христианская церковь, славянский язык переведен на коми», при этом отмечая, что они посещают церковь «лучше других». В то же время для бесед 1920–1930-х гг. характерно появление мистических элементов («умирание», пророчества), о которых упоминается в отчетах (НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Л. 1об., 5).

Согласно архивным данным, лидеры *бурсьылысьяс* призывали верующих посещать церкви, антирелигиозную политику советских властей (репрессии духовенства, закрытие монастырей, изъятие церковных ценностей) рассматривали как проявление власти антихриста (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 15). В с. Мыёлдино *бурсьылысьяс* наряду с другими прихожанами выступили против закрытия церкви: «собралось около церкви около 100 человек

⁵ С. А. Ермолин скончался 18 июня 1913 г. от воспаления легких, он был исповедован и приобщен священником Мыёлдинской церкви Ф. Клепиковым, похоронен на приходском кладбище (НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 461. Л. 221об.–222).

женщин, открыли церковь с целью устроить собрание, подняли шум, толкотню, сектанты молились, представившись юродивыми. Удалось разогнать при вмешательстве местной власти» (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 804. Л. 24). В условиях агрессивной антирелигиозной политики советского государства лидеры и последователи учения считали себя хранителями православной веры.

Религиозная терминология коми православного движения *бурсьылысьяс* представляет собой пример самоидентификации через указание на определенные коллективные действия, совершаемые по религиозным мотивам и объединяющие группу. Эндоконфессионимы и названия религиозных практик *бурсьылысьяс* отражали религиозно-этические представления о «благе, добре» (*бур*), демонстрировали высокую оценку собственного учения, подчеркивали особый статус его последователей. Номинации лидера и его последователей – *бурвисьталысь/буркывзысьяс* – были тесно взаимосвязаны. Прямое значение этих терминов, отражавшее конкретные признаки и действия, соединялось с дополнительными символическими значениями, обозначая статусы религиозного лидера и его последователей. Изменение самоназвания религиозной группы и названия богослужений (*бесед*) после смерти С. Ермолина демонстрирует значимость личности основателя движения, а также переосмысление его последователями собственной роли.

Список источников:

- ГАВО.** Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Дело о крестьянах Усть-Сысольского уезда и волости по обвинению их в самовольном исполнении на зырянском языке церковных обрядов. 1904.
- НАРК.** Ф. 254. Оп. 1. Д. 461. Метрические книги Усть-Немской, Помоздинской, Мыёлдинской, Пожегодской, Донской церковью за 1913 год.
- НАРК.** Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Информация секретарей партийных ячеек о сектантском движении в уезде. Протокол совещания агитпропработников. 01.07.1927–19.09.1927.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Информационные сводки областного отдела ГПУ. 10.01.1925–16.04.1925.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Информационные материалы Коми ОГПУ. 04.05.1925–25.11.1925.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 804. Информационные сообщения Коми областного отдела ГПУ. 10.05.1930–25.06.1930.

Литература:

- Вендина Т. И.** Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепты Добро и Зло) // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 430–475.
- Власова В. В.** Христианское просвещение в зырянских приходах Вологодской епархии: беседа и церковная проповедь на родном языке // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 183–195.
- Власова В. В.** «Слово по случаю вступления на паству» А. А. Куратова: к истории церковной проповеди на коми языке // Историческое произведение как феномен культуры: материалы X Международной научной конференции / отв. ред. А. Ю. Котылев, А. А. Павлов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2016. С. 172–179.
- Вологжанин.** Новый «братец» Стефан Вологодский: материалы для истории новейшего мистического сектантства. СПб.: Издание М. В. Скворцова, 1912. 19 с.
- Гагарин Ю. В.** Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. 255 с.
- Гагарин Ю. В.** «Бурсьылысь» как местная разновидность православия в Коми крае // Этнография и фольклор / отв. ред. Л. Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1976. С. 60–74 (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 17).
- Исхаков Р. П.** Этапы генезиса кряшенской (крещено-татарской) этноконфессиональной идентичности // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 1. С. 50–54.
- Коми сёрнисикас кывчукёр.** Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар: Кола, 2012. Т. I: А–О. 1096 с.
- Лимеров П. Ф.** Рукописный памятник коми-зырян Соборный чин: поучение и основы вероучения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 56–70.
- Лимеров П. Ф.** Памятник литературы Верхней Вычегды: Сöбйрайтчöм рад – Соборный чин // Арт (Лад). 2022. № 3 (99). С. 25–55.

- Лыткин Г. С.** Зырянско-русский словарь // Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 43–112.
- Лыткин Г. С.** Русско-зырянский словарь. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 360 с.
- Львов А.** «Нежные псалмы»: этническое и религиозное в культуре русских иудействующих // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 100–120.
- Мельникова Е. А.** «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2011. 182 с.
- Никитина С. Е.** Конфессиональные культуры и их территориальные варианты (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия, 2013. 312 с.
- Никифор арх.** Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: в 4 вып. Труд и издание архим. Никифора. Вып. 1. А–Е. М., 1891. 248 с.
- Пастырь-проповедник.** Живое слово пастыря // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1909. № 17. С. 403–415.
- Подюков И. А.** Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 318–334.
- Терюков А. И.** Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П. И. Савваитов и Г. С. Лыткин) // Христианство в регионах мира: сборник статей / отв. ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. СПб.: Наука, 2008. С. 229–245.
- Толковая Библия,** или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина. Т. 11. СПб.: Тип. Монтвида, 1913. 609 с.
- Феофан-затворник.** Толкование Посланий св. апостола Павла к колоссаем и к Филимону. М.: Унив. тип. М. Каткова, 1880. 296 с.
- Черных А. В.** Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 97–109.
- Чувьюров А. А.** Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах (на примере коми этноконфессионального движения бурсьылсыяс) // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции. СПб.: Алетей, 2001. С. 76–84.
- Чувьюров А. А.** Рукописные традиции вычегодских коми // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2004. Вып. 6. С. 385–415.
- Chuvyurov A., Smirnova O.** Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. P. 169–196.
- Koosa P., Leete A.** Revolt of Grannies: the Bursylysyas Komi Folk Orthodox Movement // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2011. № 5 (1). P. 45–61.

Власова Виктория Владимировна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН».

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com

Материал поступил в редакцию 23 июня 2023 г.

V. V. Vlasova

FORMATION OF RELIGIOUS TERMINOLOGY OF THE KOMI FOLK ORTHODOX MOVEMENT BURSYYLSYAS

Features of religious doctrine, religious practices, and norms of behavior are among the significant group characteristics of confessional communities. This list of religious characteristics and their interpretations can differ considerably depending on whether they are used for identification from the perspective of the group members (self-identification) or identification by others. The understanding of one's own faith as true and saving faith is reflected in religious terminology and often becomes a decisive factor in the formation of confessional terms. The article analyzes the semantic and pragmatic components of self-designations and key religious terms of the Komi folk Orthodox movement *bursylysyas* (ver. 'singers of goodness'), which emerged at the beginning of the 20th century. This study is based on archive and published material from the first half of the 20th century. The

bursylysyas movement emerged at the beginning of the 20th century in the Komi villages on the upper Vychegda. The most important elements of the religious practices were spiritual conversations, during which religious hymns were sung in the Komi language, led by a local peasant, Stefan Yermolin, and after his death by other lay people. The religious terminology of the Komi folk Orthodox movement *bursylysyas* is an example of self-identification and self-designation, as it refers to certain collective acts performed for religious reasons that unite the group. The self-designation of the religious group and the names of the religious practices reflected the religious and ethical notions of goodness (*bur*), demonstrated a high regard for their own doctrine, and emphasized the special status of their followers. The names of the leader and his followers – *burvystalys* 'singers of goodness' / *burkyvzysyas* 'hearers of goodness' – were closely linked. The direct meaning of these terms, reflecting certain signs and actions, was combined with additional symbolic meanings denoting the status of a religious leader and his followers. The change of the self-name of the religious group and the name of the spiritual talks after the death of S. Yermolin shows the importance of the personality of the founder of the religious movement as well as the reconsideration of his own role by his followers.

Keywords: *bursylysyas, religious terminology, religious practice, confessionym, Komi*

Sources:

- GAVO.** F. 496. Op. 1. D. 18164. Dela o krest'janah Ust'-Sysol'skogo uезда i volosti po obvineniju ih v samovol'nom ispolnenii na zyrjanskom jazyke cerkovnyh obrjadov [The record of the peasants of the Ust-Sysolsk district and the volost on charges of performance of church rites in the Zyryan language without permit]. 1904.
- NARK.** F. 254. Op. 1. D. 461. Metricheskie knigi Ust'-Nemskoj, Pomozdinskoj, Myjoldinskoj, Pozhegodskoj, Donskoj cerkvej za 1913 god [Parish registers of the Ust-Nemskaya, Pomozdinskaya, Myjoldinskaya, Pozhegodskaya, Donskoy churches for 1913].
- NARK.** F. 182. Op. 1. D. 132. Informacija sekretarej partijnyh jacheek o sektantskom dvizhenii v uезде. Protokol soveshhanija agitprorabotnikov [Information of secretaries of party cells about the sectarian movement in the county. Minutes of the meeting of agitprop workers]. 01.07.1927–19.09.1927.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 430. Informacionnye svodki oblastnogo otdela GPU [Information reports of the regional department of the GPU]. 10.01.1925–16.04.1925.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 431. Informacionnye materialy Komi OGPU [Information materials of the Komi OGPU]. 04.05.1925–25.11.1925.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 804. Informacionnye soobshhenija Komi oblastnogo otdela GPU [Information messages of the Komi regional department of the GPU]. 10.05.1930–25.06.1930.

References:

- Vendina T. I.** Iz kirillo-mefodievskogo nasledija v iazyke russkoi kul'tury (kontsepty Dobro i Zlo) [From the Cyril and Methodius heritage in the language of Russian culture (the concepts of Good and Evil)] // Slavianskii al'manakh 2003 [Slavic almanac 2003]. Moscow, Indrik, 2004. P. 430–475.
- Vlasova V. V.** Hristianskoe prosveshhenie v zyrjanskih prihodah Vologodskoj eparhii: beseda i cerkovnaja propoved' na rodnom jazyke [Christian Education in Zyrian Parishes of the Vologda Eparchy: Conversation and Church Homily in the Native Language] // Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2017. No. 1. P. 183–195.
- Vologzhanin.** Novyj "bratec" Stefan Vologodskij: Materialy dlja istorii novejshego misticheskogo sektantstva [New "brother" Stefan of Vologda (materials for the history of the modern mystical sectarianism)]. St.-Petersburg. Izdanie M. V. Skvortsova, 1912. 19 p.
- Gagarin Yu. V.** Religioznye perezhitki v Komi ASSR i ih preodolenie [Religious survivals in the Komi ASSR and their overcoming]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 255 p.
- Gagarin Yu. V.** "Bursylysyas" kak mestnaia raznovidnost' pravoslaviia v Komi krae ["Bursylysyas" as a local variety of Orthodoxy in the Komi region] // Etnografija i fol'klor [Ethnography and folklore]. Syktyvkar, Komi branch of USSR Academy of Science, 1976. P. 60–74.
- Iskhakov R. R.** Etapy genezisa krjashhenskoj (kreshheno-tatarskoj) jetnokonfessional'noj identichnosti [Model of Forming the Kryashen Ethno-Confessional Identity] // Manuscript. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 50–54.
- Komi sernisikas kyvchukör.** Slovar' dialektov komi jazyka: v 2-kh tomakh [Dictionary of dialects of the Komi language]. Syktyvkar, Kola. 2012. Vol. I.: A–O. 1096 p.
- Limerov P.** Rukopisnyj pamjatnik komi-zyrjan Sobornyj chin: pouchenie i osnovy verouchenija [Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith] // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 56–70.

- Limerov P. F.** Pamjatnik literatury Verhnej Vychegdy: Söbirajtchöm rad – Sobornyj chin [Upper Vychegda' literary monument: Sobiraytchöm rad – Cathedral rank] // Art (Lad). 2022. No. 3 (99). P. 25–55.
- Lytkin G. S.** Zyryansko-russkii slovar' [Zyryan-Russian dictionary] // Zyryanskii kray pri episkopakh Permskikh i zyryanskii yazyk [Zyryan' region under the bishops of Perm and the Zyryan language]. S. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1889. P. 43–112.
- Lytkin G. S.** Russko-zyryanskii slovar'. Sostavlenn po rukopisnomu slovarju N. P. Popova [Russian-Zyryan dictionary. Compiled according to the handwritten dictionary of N. P. Popov]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1931. 360 p.
- Lvov A.** "Nezhnye psalmy": etnicheskoe i religioznoe v kul'ture russkikh iudeistvuyushchikh [Tender Psalms: The Ethnic and the Religious in the Culture of Russian Judaizers] // Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. 2015. No. 33 (3). P. 100–120.
- Mel'nikova E. A.** "Voobrazhaemaja kniga": ocherki po istorii fol'klora o knigah i chtenii v Rossii ["Imagined book": essays on the history of folklore about books and reading in Russia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v St.-Petersburge, 2011. 182 p.
- Nikitina S. E.** Konfessional'nye kul'tury i ikh territorial'nye varianty (problemy sinkhronnogo opisaniya) [Confessional cultures and their territorial variants (problems of synchronous description)]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2013. 312 p.
- Nikifor arkh.** Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleiskaya entsiklopediya v 4 vyp [Illustrated complete popular bible encyclopedia in 4 volumes]. Trud i izdanie arkhim. Nikifora. Vol. 1. A–E. M., 1891. 248 p.
- Pastyr'-propovednik.** Zhivoe slovo pastyrya [Pastor-preacher. The Living Word of the pastor] // Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam [Supplements to the Vologda diocesan records]. 1909. No. 17. P. 403–415.
- Podyukov I. A.** Khristianskie reministsentsii v zhivoy rechi (na materiale staroobryadcheskikh govorov Prikam'ya) [Christian reminiscences in living speech (based on the Old Believer dialects of the Kama region)] // Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]. 2022. T. 11. No. 4. P. 318–334.
- Teriukov A. I.** Iz istorii perevoda Sviashchennogo Pisaniia na iazyk komi-ziaryn (P. I. Savvaitov i G. S. Lytkin) [From the history of the translation of the Scriptures into the Komi-Zyryan language (P. I. Savvaitov and G. S. Lytkin)] // Khristianstvo v regionakh mira: sbornik statei [Christianity in the regions of the world: collection of articles]. Ed. T. A. Bernshtam, A. I. Teriukov. St. Petersburg, Nauka, 2008. P. 229–245.
- Tolkovaja Biblija**, ili Kommentarij na vse knigi Sv. pisanija Vethogo i Novogo zaveta [Anchor Bible or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Ed. by A. P. Lopuhin. Vol. 11. St. Petersburg: tip. Montvida, 1913. 609 p.
- Feofan-zatvornik.** Tolkovanie Poslanij sv. apostola Pavla k kolossaem i k Filimonu [The commentaries on Epistles of Paul to the Colossaeum and to Philemon]. Moscow, Tip. M. Katkova, 1880. 296 p.
- Chernykh A. V.** Narodnaia terminologija staroobryadcheskikh soglasii v russkikh traditsiiakh Prikam'ia: beguny (stranniki) [Folk terminology of Old Believer in the Russian traditions of the Kama region: Runners (Wanderers)] // Traditsionnaia kul'tura [Traditional culture]. 2018. Vol. 19. No. 5. P. 97–109.
- Chuv'jurov A. A.** Gendernye otnoshenija v religiozno-misticheskikh soobshhestvah [Gender Relations in Religious and Mystical Communities] // Mifologija i povsednevnost': gendernyj podhod v antropologicheskikh disciplinah Materialy nauchnoj konferencii [Mythology and Everyday Life: Gender Approach in Anthropological Disciplines. Proc. of scientific conference]. St. Petersburg: Aletejja, 2001. P. 76–84.
- Chuv'jurov A. A.** Rukopisnye tradicii vychegodskih komi [Handwritten traditions of the Vychegda Komi]. Russkij Sever: Aspekty unikal'nogo v jetnokul'turnoj istorii i narodnoj tradicii [Russian North: Aspects of the unique in ethno-cultural history and folk tradition]. St. Petersburg: MAE Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2004. Vol. 6. P. 385–415.
- Chuvyurov A., Smirnova O.** Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. P. 169–196.
- Koosa P., Leete A.** Revolt of Grannies: the Bursylsyas Komi Folk Orthodox Movement // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2011. No. 5 (1). P. 45–61.

Vlasova Victoria Vladimirovna.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Institute of language, literature and history,

Federal Research Centre Komi Science Centre of Ural Branch RAS.

Kommunisticheskaja str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com